
ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

В. И. ЕРЕМИНА

ПОЛОЦКАЯ И КОРСУНСКАЯ ЛЕГЕНДЫ В БЫЛИННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В 1957 году Игорь Петрович Еремин подарил мне, тогда еще школьнице, книгу «Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков» (М., 1957) с надписью: «Дорогой дочке в надежде на то, что и она немного полюбит дело, которым ее отец занимался всю жизнь».

Светлой памяти моего отца, Игоря Петровича Еремина, посвящается.

Живое предание и живой народный эпос — результат последовательных наслоений и взаимных применений: «новые опыты и впечатления жизни прилагались к старым, старые оживали в новом освещении, прошлые мотивы растворялись в этом процессе; записи и литературные обработки затемняли его, открывая путь личным сочетаниям и измышлениям. Вот почему так трудно уследить к началу процесса тот исторический или бытовой факт, от которого пошло все развитие, имя, вокруг которого впервые завязалась работа идеализации».¹

Комментируя «русский» эпизод саги о Тидрике Бернском, А. Н. Веселовский писал, что имя князя Владимира «ждет объяснения из русского, южного или северного предания».² В «Исторических монографиях...» Н. И. Костомаров утверждал, что князь Владимир был одной из самых любимых личностей нашей народной поэзии — «в этом, кажется, и спора быть не может, — писал он, — это доказывается поэтическими сказаниями о его княжении уже после крещения, помещенными в нашей первоначальной летописи; на это указывает его имя, постоянно сопровождающее до сих пор великорусские былины даже и такого содержания, которое ничего общего не представляет с действительною эпохою Владимира».³ После Владимира были столь же замечательные князья, сыгравшие в русской истории не менее заметную роль, однако последующие поколения русских князей не только не затмили в народной памяти древнего Владимира, но даже поступились блеском своей славы для возвеличивания его. «Как объяснить это, — спрашивал А. М. Лобода, — если не тем, что Владимир стал предметом суда и оценки потомков, уже окруженный ореолом рассказов, легенд, сказаний. Если бы былевая популярность Владимира была создана тем, что писали о нем древнерусские книжники, то она не могла бы не отразить в себе книжного, религиозно-назидательного характера, каким запечатлена вся книжная литература о Владимире и какого совсем нет в былинах».⁴

¹ Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидрике Бернском (Веронском) // ИОРЯС. 1906. С. 129.

² Веселовский А. Н. Мелкие заметки к былинам: Уголок русского эпоса в саге о Тидрике Бернском // ЖМНП. 1896. Июль.

³ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб.; М., 1881. С. 157.

⁴ Лобода А. М. Русские былины о сватовстве. Киев, 1904. С. 253. В дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте: Лобода (с указанием страниц).

Летописное житие Владимира воспроизводит схему житий святых-язычников, просвещенных христианством. «...Жития этого типа обычно требовали резкого контрастного *противопоставления* героя-язычника тому же герою, но уже — христианину, отрешившись навсегда от прежнего своего образа жизни и полностью обновленному евангельской благодатью. Летописный Владимир обрисован в строгом соответствии с этим правилом, что нашло отражение даже в его, летописца, прямой характеристике Владимира — антитезе: „Мудр же бе, а наконец вогибе; се же бе невеголос,⁵ а наконец обрете спасенье“».⁶

То, что известно о Владимире Святославиче из истории,⁷ свидетельствует с достаточной очевидностью, что этот князь стал героем сказаний о сватовстве не случайно и вовсе не в силу циклизации русских былин вокруг Киева и киевского князя Владимира: сами события жизни Владимира дали достаточно оснований для того, чтобы создавались сказания о его женитьбе (Лобода. С. 242). Князь Владимир, если верить летописи,⁸ был женат многократно и имел множество наложниц, не случайно его сравнение в «Повести временных лет» с библейским Соломоном. Но наиболее яркое отражение в летописи получила его женитьба сначала на полоцкой княжне, а затем на византийской царевне.

В Лаврентьевской летописи, по словам «ведущих» (то есть певцов), легенда о Рогнеде известна в двух близких версиях: под 6488 (980) и под 6636 (1128) гг. Суть летописного рассказа в более поздней и более расширенной редакции сводится к следующему: юный новгородский князь Владимир посылает к Рогволоду, князю полоцкому, своего посла Добрыню просить руки его дочери.⁹ Рогволод отвечает уклончиво и окончательный ответ оставляет на усмотрение своей дочери: «Хощеши ли за Володимера?» Рогнеда же отвечает: «Не хочю розуги робичича, но Ярополка хочю».¹⁰ Владимир оскорблен отказом, он идет войной на Полоцк, по-

⁵ Владимир «невеголос» — жесток, распутен, коварен. Текст цитируется по изданию: Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910. С. 78.

⁶ Еремин И. П. «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1947. С. 90. В дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте: Еремин (с указанием страниц).

«Противоречия в образе того или иного героя летописного повествования, очень возможно, отражают реальные противоречия его характера, — возможность такая во всяком случае не исключена; — но отражают частично, в пределах, доступных для его, летописца, художественного метода; литературный портрет *реального* человека — завоевание литературы нового времени; для средневекового писателя начала XII века такой портрет — задача еще явно непосильная. Человек у летописца всегда *однолинеен*, то есть одновременно быть „добрым“ и „злым“ не может; всегда *статичен*, несмотря на внешнюю свою подвижность, то есть „характер“ свой приобретает в прямой зависимости от того или иного заданного стилистического плана повествования, отражая все его перебои; почти всегда *перцепентативен*, то есть обычно является „живым“ носителем той или иной летописца морально-политической сентенции или доктрины». (Там же. С. 91).

⁷ Прижизненные изображения Владимира Святославича встречаются на монетах и миниатюрах в Радзивилловской летописи. Однако достоверные его изображения домонгольского периода неизвестны. «Предположения некоторых ученых о том, что Владимир Святославич был изображен на фресках таких домонгольских храмов, как собор Успенья Пресвятой Богородицы во Владимире или церкви Преображения Господня на Нередице (...) из-за плохой сохранности или разрушения памятников не могут считаться доказанными». — Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 707. В конце XIV — первой половине XV в. изображения Владимира получили широкое распространение в Великом Новгороде (фреска церкви великомученика Феодора Стратилата на Ручью, посл. треть XIV в.) и в Москве (воздух кн. Марии Тверской. ГИМ. 13.8.9). — Там же. С. 708.

⁸ «Был же Владимир побежден вожделем, и вот какие были у них жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей; Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, а наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове (...) Был он такой женюлюбец, как и Соломон...» (Повесть временных лет. 980 г. // Художественная проза Киевской Руси XI—XIII в. М., 1957. С. 39).

⁹ Посольство князя Владимира к Рогволоду Полоцкому с целью сватовства к Рогнеде. Беседа Рогволода с Рогнедой, отказавшейся стать женою Владимира. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 42 об.).

¹⁰ «Не хочю разуть сына рабыни...» — «Сыном рабыни Владимир назван потому, что его мать Малуша была ключницей у Ольги. Рогнеда отказывается выйти замуж за Владимира и употребляет при этом образные выражения: разувание мужа в знак покорности новобрачной было частью свадебного обряда» (Повесть временных лет. Примечания // Художественная проза Киевской Руси. С. 299).

беждает Рогволода, берет в плен его самого, его жену, сыновей и дочь. Добрыня, дядя и наставник Владимира, «повелѣ Володимеру быти с нею перед отцом ея и матерью. Потом отца ея уби, а саму поя женѣ и нарекоша ей имя Горислава».¹¹ Владимир, сделав Рогнеду-Гориславу своей женой, не забыл обиду и через какое-то время приходит к ней с целью ее погубить.¹² Она же взмолилась: «Сжалиласи бях, зане отца моего уби и землю его полони, мене дѣля; и се ныне не любиши мене и с младенцем сим» (там же). Ее малолетний сын Изяслав вступается за мать.

Если бы все, что мы только что изложили по летописи, было вполне достоверно, то дальнейших разысканий, возможно, и не потребовалось бы, поскольку точная историческая первооснова для былевого сватовства Владимира была бы вполне определенной. Но словами певцов («ведущих») источник обозначен в слишком общих чертах, словно передается слух, который, с одной стороны, считается правдивым, а с другой — не имеет под собой вполне ясных оснований. «Будь факт сам по себе вполне достоверным, будь он подкреплен какими-нибудь прямыми документальными данными, летописец или сослался бы на них, или во всяком случае не считал бы нужным делать оговорку: „яко (же) сказаша ведущии“, тем самым как бы желая снять с себя ответственность за сообщаемое им» (Лобода. С. 244). В. Н. Татищев, сопоставив даты, указал на четкое несоответствие событий, описанных летописцем: Рогнеда стала женой Владимира около 975 г., поход Владимира против Ярополка и разгром Полоцка датируется 980 г.¹³ Стало быть, объединение летописцем этих двух основополагающих событий искусственно и не соответствует истине.

Легенда о сватании полоцкой княжны со всеми ее подробностями далека от исторической действительности, а потому историки пользуются ею только как преданием. Все это похоже на песенный эпический мотив, который встречается в наших былинах, в северных сагах и в ломбардском цикле сказаний. Таким образом, летописный рассказ о женитьбе князя Владимира на полоцкой княжне, как он записан в обеих редакциях, мало соответствует действительным событиям того времени, к которому он приурочен, причем версия под 1128 г. даже несколько точнее редакции 980 г. Краткая, более ранняя редакция рассказа не может служить источником для второй, но вместе с тем они настолько близки между собой (вплоть до дословных совпадений), что должны были иметь один общий источник. В основе этого источника «лежали слухи, рассказы, быть может, сказания, а наиболее благоприятной почвой для создания и циркуляции таких рассказов, сказаний были события второй половины XI и начала XII в. Поэтому хотя Рогнеда в смысле исторической личности вне сомнений, но смотреть на приведенный летописный рассказ о ней как на достоверное воспроизведение обстоятельств ее жизни нельзя, и здесь Рогнеда уже не историческая личность, а *типическая* героиня легенды» (Лобода. С. 249, 250). Вот почему, как мы увидим далее, поэтические отражения этой легенды в позднем эпосе, трансформируясь, сохраняются только как общие места, общие эпические формулы и ситуации.

¹¹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I. Стб. 300.

¹² Взаимное покушение. Рогнеда, супруга князя Владимира, покушается на жизнь мужа. Миниа-тюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 163).

¹³ Татищев В. Н. История Российская с самых древних времен. М., 1768—1848. Кн. 2. С. 397.

«Погодный» принцип изложения исторических событий для летописца был отнюдь не случаен. «Он наглядно свидетельствует о природе его исторического мышления, свидетельствует о закономерной тенденции летописца внести известный порядок в поток подлежащих его обзору фактов, прикрепить каждый из этих фактов к определенной единице времени. Существующая в его время система летоисчисления (от сотворения мира) оказала ему в этом отношении незаменимую услугу: каждый факт нашел свое время, зыбкие *до* и *после* получили свои четкие границы. (...) Погодная канва изложения, которой летописец себя связал, потребовала от него соответствующей организации материала: каждый факт должен был и в изложении летописца найти свое время. Выполнить это требование можно было только при одном условии: стянуть к каждой единице времени *все* относящиеся к ней события, не считаясь с тем, нарушает или нет такая группировка материала единство того или иного повествовательного ряда. Это он (летописец) систематически и делал: в историю одного князя стала вплетаться история другого» (Еремин. С. 52, 53).

Вторая, еще более значительная, легенда о сватовстве и женитьбе киевского князя на византийской царевне Анне известна под названием Корсунской. В «Повести временных лет» и в древнейших русских летописных сводах Корсунская легенда связывает сватовство князя Владимира с рассказом о его крещении. Хорошо понятно, какое значение для Руси имел бы брак князя Владимира с византийской царевной, сестрой действующих императоров. Успех этого мероприятия, по словам А. М. Лободы, «тем сильнее должен был отразиться на Руси, что Византия еще не лишена была ореола своей славы и еще свежи были в памяти неудачи Святослава в борьбе с Цимисхием. Вопрос может быть лишь в том, в какие формы могло отливаться впечатление, произведенное всем совершившимся, находило ли оно себе выражение в простых толках, рассказах, не более, или же послужило темой для песен, поэтических сказаний» (Лобода. С. 252).

Летописный рассказ о женитьбе князя Владимира на царевне Анне тоже содержит много литературных данных и далеко не полно совпадает с подлинными историческими событиями. Перед учеными стояла задача определить источники этого сказания и оценить их достоверность.¹⁴ А. А. Шахматов со всей очевидностью показал, что летописный рассказ о сватовстве и крещении Владимира многими чертами обнаруживает свой составной, компилятивный характер. В нем объединяются несколько источников, которые летописцу пришлось согласовать и соединить в одно целое, устранив из него явные противоречия.¹⁵

Рассказ о крещении князя Владимира начинается с эпизода прибытия в Киев послов разных вер: магометан, хазарских иудеев, немцев и греков. Греческий философ в своей речи опровергает истинность прочих вер и доказывает подлинность своей.¹⁶ Он говорит ярко и убедительно, и Владимиру его речь нравится. Грек предлагает Владимиру креститься, но тот, против всяких ожиданий, отвечает: «Пожду еще мало». Ответ этот явно искусственный, он сочинен автором, редактировавшим сказание о крещении Владимира, единственно чтобы, как предположил Шахматов, соединить «один рассказ, повествовавший об испытании вер в Киеве и об обращении Владимира греческим философом, с другим рассказом, повествовавшим об испытании вер на местах и о последовавшем затем крещении в Корсуне. Итак, первый рассказ дошел до нас не в полном виде. Он оборван, для того чтобы дать место второму рассказу. Отсюда является возможность предположить, что первый рассказ (в отдельном своем виде, вне летописи) оканчивался сообщением о крещении Владимира от философа в Киеве» (Шахматов. С. 307).

¹⁴ *Никольский Н. К.* 1) К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире // Христианские чтения. 1902. Июль. С. 89—106; 2) Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сборник ОРЯС. СПб., 1907. Т. 82, № 4. С. 8—21 [Слово о том, како крестися Владимир, возмзя Корсунь]; *Левитский Н.* Важнейшие источники для определения времен крещения Владимира и Руси и их данные // Христианские чтения. 1890. Т. 1, № 3/4. С. 370—421; № 5/6. С. 689—740; Т. 2, № 7/8. С. 147—174; № 9/10. С. 318—368; *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. Прил. 4: К вопросу о месте крещения кн. Владимира // Памятники христ. Херсонеса. М., 1908. Вып. 3. С. 125—137; *Бертье-Делагард А. Л.* Как Владимир осаждал Корсунь // ИОРЯС. 1909. Т. 14, кн. 1. С. 1—67; *Жданов Р. В.* Крещение Руси и Начальная летопись // Исторические записки. М., 1939. Т. 5. С. 3—30; *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 122—149; Точный рассказ о том, как был крещен народ россов / Пер. Л. И. Щеголевой // Древнерусская литература: Вопросы Запада в XI—XIV вв. М., 1996. С. 237—242; *Ранов О. М.* 1) О дате принятия христианства кн. Владимиром и киевлянами // Вопросы истории. М., 1984. № 6. С. 34—47; 2) Еще раз о датировке взятия Корсуни кн. Владимиром // Византийский временник. 1988. Т. 49 (74). С. 190—194; *Богданова Н. М.* О времени взятия Херсона кн. Владимиром // Там же. С. 195—201; *Беляев С. А.* 1) Поход кн. Владимира на Корсунь: его последствия для Херсонеса // Византийский временник. 1991. Т. 51 (76). С. 153—164; 2) О названии церкви, в которой был крещен кн. Владимир // ДРВМ. М., 2001. № 2/4. С. 50—68. См. также: Крещение кн. Владимира. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 62 об.).

¹⁵ *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении Владимира // История русского летописания. СПб., 2003. Том I, кн. 2. С. 305. В дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте: Шахматов (с указанием страниц).

¹⁶ Греческий проповедник представляет князю Владимиру изображение Спасителя. — Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 58).

Второе повествование начинается с предложения городских старцев послать мужей «испытать веры», и это несмотря на рассказ Владимира, что к нему уже ранее приходили представители разных вер. Мужья тем не менее были посланы, и выбор веры вторично оказался в пользу греческой. Однако остался открытым вопрос: «Где крещение примем?» А. А. Шахматов утверждал, что и этот риторический вопрос явно книжного происхождения, так как крещение Русской земли должно было произойти только в этой самой земле, точнее в Киеве. «И, конечно, у Владимира не могло возникнуть такого вопроса. Но вопросу этому естественно было возникнуть у летописца, который не мог не согласовать, с одной стороны, решения князя и бояр креститься, — решения, принятого в Киеве, с другой стороны, факта или предания о принятии крещения в Корсуне. И так, летописцу пришлось согласовать находившийся в его распоряжении материал. Но *что* именно согласовано им — исторические факты, народные предания или литературные источники?» (Шахматов. С. 307). А. А. Шахматов, отвечая на этот вопрос, склоняется в пользу литературных источников. Что же касается рассказа об испытании вер, то он «по самой скудности своего содержания обличает свое книжное происхождение. Летописцу пришлось согласовать два дошедших до него в литературной обработке известия: первое — о крещении Владимира в Киеве после испытания вер, второе — о крещении его в Корсуне после такого же испытания» (Шахматов. С. 307).

Явное противоречие заключено в последнем абзаце летописной статьи 6495 г., где говорится о том, что Владимир идет войной на Корсунь, для того чтобы принять крещение от греков.¹⁷ Цель похода князя Владимира на Корсунь в летописи не выяснена, так как мысль о крещении возникла у него только после того, как он получил известие от корсунянина Анастаса, пустившего стрелу в лагерь осаждающих город. Прочтя на стреле надпись, Владимир, воззрев на небо, сказал: «Аще ся се сбудеть, имам ся крестити». Слова Владимира, по словам Шахматова, «поражают неожиданностью, ибо в надписи Анастасовой не было и намека на крещение. Ясно, что слова вставлены, и вставлены для того, чтобы осмыслить самый поход Владимира, а также приблизить к последующей развязке, к крещению. Вставка обнаруживается и из того, что Владимир, взяв город, забывает о данном обещании. Но зато взятие города выясняет *цель*, вложенную Владимиру первоначальным составителем рассказа о походе на Корсунь: Владимир требует руки греческой царевны» (Шахматов. С. 348, 349).¹⁸ Это требование дает основание для

¹⁷ Факт взятия Владимиром Святославичем Корсуни бесспорен, «летописный рассказ приводит ряд связанных с этим аутентичных топографических реалий, но приурочение именно к Корсуне крещения киевского князя вызывает определенные сомнения». Важно, что «во фрагментах древней летописи в составе „Памяти и похвалы“ Иакова Мниха взятие Корсуни прямо датировано „третьим летом“ после крещения. Надо думать, древнейшая основа „Сказания об испытании вер“ и „Речи философа“, как догадывался Шахматов, и была тем рассказом, согласно которому крещение Владимира Святославича произошло не в Корсуне, а на Руси (в Киеве, Василеве или т. п.) и хронологию которого воспроизвел Иаков Мних. В пользу такого предположения свидетельствует также наличие самостоятельных внелетописных редакций „Корсунской легенды“, которые существенно отличаются от редакции, присутствующей в „Повести временных лет“, и в еще большей степени, чем последняя, выдают фольклорное происхождение „Корсунской легенды“» (Назаренко А. В. Владимир (Василий) Святославич // Православная энциклопедия. Т. 8. С. 695, 696).

¹⁸ Эти и подобные противоречия и несоответствия летописного текста позволяют поставить вопрос, как предположил И. П. Еремин, «не вторичного ли происхождения все эти „загадки“ летописного повествования, не результат ли они постепенного наложения одного текста на другой — вставок, сокращений, перестановок и пр., естественных для памятника, текст которого неоднократно перерабатывался, пережил длительную и сложную историю? (...) Не отрицая возможности вторичного происхождения отдельных художественных „загадок“ летописного повествования — в процессе движения текста, думаю, однако, — пишет И. П. Еремин, — что свести к этому движению *всю* художественную структуру „Повести“, то есть по существу снять самый вопрос о своеобразии летописного художественного изображения, нельзя. (...) Своеобразие летописного художественного изображения составляет, очевидно, изначальную принадлежность „Повести“, коренится в самой природе его, летописца. исторического и художественного мышления» (Еремин. С. 8, 9). Более того, анализ художественной структуры этого текста «должен предшествовать решению генеалогической проблемы, так как, быть может, позволит точнее определить, что в тексте этом следует отнести за счет его истории и что — за счет его художественной структуры» (Там же. С. 9). «Повесть» как литературное произведение было рассмотре-

перехода рассказа к главной цели автора, к обстоятельному изложению истории крещения Владимира: греческие цари соглашаются отдать сестру в жены Владимиру только при одном условии — если он примет христианство. Внезапно приключившаяся болезнь глаз заставляет Владимира вспомнить о своем намерении креститься. Он крестится, исцеляется чудесным образом от болезни и женится на царевне Анне.¹⁹

Летописный рассказ о крещении Владимира неоднороден: в нем помимо историко-бытовых черт (мотив осады и взятия Корсуня,²⁰ указание на подлинных греческих царей — Василия и Константина, факта женитьбы Владимира на сестре византийских императоров)²¹ присутствуют агиографические и эпические мотивы. К агиографическим мотивам относятся условия женитьбы языческого князя на христианке, крещение как средство исцеления князя, эпизод, когда греческий царь уговаривает сестру принести себя в жертву с целью привить православие на Руси и пр. Эпические народно-бытовые черты в легенде впервые были отмечены Н. И. Костомаровым.²² Это прежде всего сама цель похода на Корсунь — добытие невесты, а также такие народно-поэтические мотивы, как послы, ведущие переговоры о женитьбе, стрела, пущенная из осажденного города, и др.

Изучение летописного сказания показало, таким образом, что оно вряд ли могло служить *единственным* источником рассказа о крещении киевского князя, а потому задачей своего исследования А. А. Шахматов считал определение *всех* возможных его источников. На основе изучения памятников, в которых так или иначе отразился данный сюжет, он хотел приступить к восстановлению не дошедшей до нас повести в ее первоначальном виде. Необычайная сложность этой задачи усугублялась допустимостью предположения, что летописное сказание известно тоже не в своем исконном виде, а в последующих переделках. В статье «Один из источников летописного сказания о крещении Владимира» А. А. Шахматов показал, что русская повесть есть не что иное, как переделка болгарского рассказа о крещении князя Бориса.²³ Что же касается источника рассказа об испытании вер через посольство, о военном походе на Корсунь, о крещении и женитьбе князя, то его следует искать не в одном только летописном повествовании, ввиду того что слишком много здесь противоречий и явно литературных вставок. Подобные отражения присутствуют также в житии, «Слове...» и других памятниках. Ссылаясь на исследования А. И. Соболевского²⁴ и Н. К. Никольского,²⁵ А. А. Шахматов находит вопрос о зависимости жития от летописи разрешенным в утвердительном смысле, а потому он видит задачу в определении и других первоисточников, часто совсем независимых от летописи. Он рассматривает сначала древнее житие, затем обычное (по терминологии А. И. Соболевского) и проложное жития, «Слово о том, како крестися Владимир возмя Корсунь», а также редкий памятник — краткое житие особого состава.

но в статье: Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном // Ученые записки Второго отделения Академии наук. СПб., 1856. Кн. III. **Природа художественного изображения** в «Повести временных лет» впервые исследована в работе: Еремин И. П. «Повесть временных лет». Л., 1947. С. 3—92.

¹⁹ Передача царевны Анной послания князю Владимиру с советом скорее креститься, чтобы избавиться от болезни глаз. Получение Владимиром послания. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 62).

²⁰ Об этом свидетельствуют греческие источники.

²¹ Прибытие царевны Анны в Корсунь, приветствие ее князем Владимиром. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 62).

²² Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. С. 147—163.

²³ Шахматов А. А. Один источник летописного сказания о крещении Владимира // Юбилейный сборник, посвященный М. С. Дринову. Харьков, 1904. С. 63—74.

²⁴ Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому: Замечания об этих памятниках А. И. Соболевского // Чтения в ист. обществе Нестора летописца. Киев, 1888. Кн. II. С. 7—68.

²⁵ Никольский Н. К. К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире // Христианские чтения. 1902. Июль. С. 89—106.

Все эти памятники подробнейшим образом анализируются А. А. Шахматовым. Выясняется, что текст древнего жития, дошедший до нас не в своем первоначальном виде, подвергся правкам и перестановкам. Главное отличие жития от других сочинений, относящихся к Владимиру, он видит в умолчании того, что Владимир крестился в Корсуне. Напротив, житие утверждает, что Корсунь был взят Владимиром уже после крещения. Обычное житие известно в краткой редакции (более древней, сходной с летописью и древним житием), пространное житие оказалось в значительной степени независимым по отношению к близкому по содержанию тексту летописи. Своеобразную переработку обычного жития Владимира представляет собой Чудовский список жития, который, по всей вероятности, имеет греческое происхождение.²⁶

В прямой зависимости от летописи находится «Слово»,²⁷ в котором описаны те же самые события, что и в летописи, но менее полно, что, возможно, свидетельствует о его позднем по сравнению с летописным рассказом происхождении. По предположению А. А. Шахматова, некоторые подробности рассказа о Крещении Руси внесены в летопись и «Слово» из другого общего для них первоисточника — особой повести, которая отразилась как на фактическом содержании «Слова», так и на некоторых его словесных совпадениях.

Еще одним источником Корсунской легенды явилось житие Владимира особого состава — редкий, независимый от текста летописи памятник, в котором рассказ о походе на Корсунь дается с подробностями, отсутствующими в других сходных по теме памятниках (осада города продолжалась шесть месяцев; князь Владимир жил после крещения двадцать восемь лет; рассказ о Жильберне (Ижберне) и пр.).

Последний памятник впервые был описан И. Н. Ждановым,²⁸ а затем издан М. Г. Халанским²⁹ и А. А. Шахматовым (Шахматов. С. 330—332). А. А. Шахматов утверждал, что легенда о крещении и женитьбе Владимира возникла в Корсуне, но письменную обработку она могла получить в Киеве. Роль посредника выпала корсунскому духовенству, вот почему в житии особого состава соединились русские и греческие легенды. Что касается времени составления данного жития, «где впервые была изложена легенда о крещении в Корсуне» (Там же. С. 346), то составление его первоначальной редакции А. А. Шахматов относит к концу XI в. И. Н. Жданов датировал легенду началом XII столетия и пришел к аналогичному выводу о том, что она складывалась при одинаковом участии как русских, так и греческих элементов.

Анализ установленных для Корсунской легенды источников (летопись, жития, «Слово») привел А. А. Шахматова к предположению о возможном существовании особой повести о крещении Владимира, составленной корсунянином, проживавшим в Киеве в конце XI в. **Из этой повести были извлечены составителями житийных рассказов о Владимире «те фактические данные, которые не могут быть возведены к летописи, причем все эти житийные рассказы представляют соединение летописного текста с текстом первоначального сказания о крещении Владимира. Восстановление этого сказания достигается путем сравнительного изучения летописи, с одной стороны, житийных текстов — с другой»** (Там же. С. 351).

²⁶ Речь идет о житии Владимира в сборнике Чудова монастыря второй пол. XVI в. белорусского письма № 62/264.

²⁷ «Слово о том, како крестися Владимир взяв Корсунь» было известно А. А. Шахматову по следующим спискам: Погодинский XVII в. № 1559, Публичной библиотеки XVI—XVII вв. Q. XVII. 44; Софийский XV в. № 1365, Санкт-Петербургской духовной академии XV в.; Кирилловский № 53/1130, Публичной библиотеки XVII в. Q. I. 319; Погодинский XVI—XVII вв. № 947; Погодинский XV в. № 946, Публичной библиотеки XVI в. O. XVII. 14; Чудовский XV—XVI вв. № 263 (117); Типографский 1634 г. № 9 (392). Им не были использованы лишь списки Московской духовной академии — Волоколамский XVI в. № 229 (652) и Московского исторического музея 588/281.22. Общий оригинал этих списков связан с именем Феодосия.

²⁸ Жданов И. Н. Русский былевой эпос: Исследования и материалы. СПб., 1895. С. 147—148.

²⁹ Халанский М. Г. Экскурсы в область древних рукописей и старопечатных изданий. Харьков, 1902. № XXII.

Сопоставив противоречивые данные как летописных, так и житийных рассказов,³⁰ учитывая все их разногласия, А. А. Шахматов приступил к гипотетическому восстановлению древней повести. При этом он утверждал, что составитель Начального свода был непосредственно знаком с повестью о крещении Владимира, что свод появился в конце XI или в самом начале XII в., что составителем свода был Василий, очевидно, монах Всеволожа-Михайловского Выдубицкого монастыря, что «труд его основывался на предшествующей летописной компиляции, восходящей к временам Ярослава Владимировича, до нас не дошедшей, но восстановленной по тому же Начальному своду. Эта компиляция была дополнена Василием по разным источникам и, между прочим, по возникшей в Киеве в конце XI в. повести о крещении Владимира. Судя по древнему житию Владимира, летописный свод времен Ярослава, который мы называем Древнейшим летописным сводом, не связывал крещение князя Владимира с походом на Корсунь и сообщал об этом походе как о случившемся на третье лето по крещении» (Шахматов. С. 363). Затем в 1116 г. игумен Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестр дополнил и переработал труд Василия, причем рассказ о крещении Владимира в новом своде остался не измененным. Эта гипотетическая повесть была известна, по мнению Шахматова, не как перевод с греческого, а как памятник славянорусский.

В основу восстановленного текста³¹ был положен Начальный свод (1-я Новгородская летопись) и Лаврентьевский, Радзивилловский, Ипатьевский и Хлебниковский списки «Повести временных лет». Курсивом были отмечены внесенные из других памятников дополнения, звездочкой — предполагаемые слова, которые не опираются на источник.

Несмотря на тщательный, всеохватывающий показ А. А. Шахматовым различий изучаемых памятников, несмотря на максимальный охват привлекаемого к анализу материала, он как никто другой хорошо понимал рискованность подобной затеи. И тем не менее, приступая к воссозданию первоначального текста повести о браке и крещении киевского князя, Шахматов руководствовался соображением, что «такая работа, если и заведет нас в область предположений и догадок, тем не менее лучше всякого частичного исследования выяснит взаимные отношения родственных памятников, ведущих к одному общему источнику, и осветит характер как этого источника, так и производившейся над ним в разное время редакционной работы» (Там же. С. 366).³²

Итак, некая повесть о крещении Владимира, составленная в конце XI в. каким-то жителем Корсуни, проживавшим в Киеве, очевидно, и послужила источником летописного рассказа о взятии Корсуни, крещении и женитьбе князя Владимира Святославича.

По мере укрепления христианства на Руси менялось и отношение к Византии. То, что спокойно мог записывать древнерусский книжник про Рогнеду, по словам Лободы, «явилось бы резким диссонансом в применении к византийской царевне и событию, которое все более и более приобретало религиозный характер. То же,

³⁰ Летопись умалчивает, например, о житийных воеводах Олеге и Жильберне, отправленных в качестве послов киевского князя сватать царевну Анну.

³¹ Полный текст восстановленной повести см.: Шахматов. С. 366—377.

³² «Корсунская легенда», в оценке С. Ф. Платонова, «оставаясь в сфере изучения литературных преданий, бесповоротно устраняет из области исторического изучения ряд фактов, недостоверность которых становится несомненной после анализа автора (...) Но обогащая таким образом новыми данными историческую науку, А. А. Шахматов не спешил сам делать исторические выводы и обобщения: он останавливался там, где кончалась его критико-литературная работа. Далее его шли менее выдержанные в своих критических приемах ученики и последователи. Сам же он только в последние годы жизни (...) рискнул войти на поприще исторических гипотез, используя с необыкновенным блеском накопленное им ученое богатство» (Платонов С. Ф. Шахматов как историк // ИОРЯС. 1920. Пг., 1922. Т. 25. С. 138).

В данном исследовании, по словам М. Н. Сперанского, А. А. Шахматовым «не только устанавливается новый, до сих пор неизвестный источник летописного сказания о крещении Владимира, но дается также восстановленный филологически текст этого источника в том виде, какой он должен иметь в XI в., когда его использовал составитель летописного сказания» (Сперанский М. Н. Шахматов как историк древнерусской литературы // Там же. С. 138).

лишь слабее и медленнее, не могло не сказываться при устной передаче, с прибавлением всех обычных переживаний, какие выпадают на долю всяким вообще сказаниям при устной передаче. И все-таки в самых былинах наших словно вырисовываются неясные, смутные очертания чего-то отличного от сказаний о Владимире и Рогнеде» (Лобода. С. 254).

В рассказе о женитьбе Владимира на Рогнеде и в сказании об Анне, где Полоцк заменен Корсуном, а полоцкая княжна — греческой царевной, замещения, на первый взгляд, очевидны. Однако прямую и непосредственную переделку одного рассказа в другой здесь видеть не следует.

Всеволод Миллер *предположил* возможное существование ранней редакции былины, сложенной по следам громких для Руси исторических событий женитьбы князя Владимира.³³ А. А. Шахматов выразил *уверенность* в безусловном отражении этих событий в эпосе. По его версии, промежуточным звеном между этими рассказами послужили некая не дошедшая до нас былина о сватовстве Владимира к греческой царевне и легенда о крещении киевского князя в Корсуне. «Содержание легенды и былины, — писал Шахматов, — весьма мало соответствовало действительным историческим фактам — оно заимствовано ими из других источников не исключаемого народного творчества: легенда, опираясь на факт завоевания Корсуни князем языческой страны, воспринявшей после того христианство, использовала и агиографический мотив о чудесном исцелении, приведшем язычника к познанию истинной веры; былина, исходя из факта взятия Владимиром греческого города Корсуни, после чего, в силу мирного договора, состоялась женитьба его на греческой царевне, приурочила к Владимиру известный мотив о добывании молодцем девицы посредством осады чужого города. Обработка указанных легенды и былины составителем повести о крещении Владимира не остановила, конечно, их естественного развития в устах народных» (Шахматов. С. 376). Близкое суждение было высказано и А. М. Лободой. «Нет оснований предполагать, — писал он, — чтобы отголоски такого *громкого* события, как брак на недоступной византийской царевне (...) не пошли дальше обыкновенных толков и не вылились в форму более или менее цельных сказаний с известным эпическим колоритом» (Лобода. С. 253).

Будем, однако, осторожны с этой гипотезой. Все сказанное было бы очень похоже на правду, если не принимать во внимание то, что нам неизвестна былина конца XI — начала XII в. **Былина как акт художественный даже гипотетическому** восстановлению не подлежит, а потому обе указанные А. А. Шахматовым составляющие древней повести должны быть рассмотрены скорее как сказания или легенды разного происхождения.³⁴ Что же касается народно-поэтического моти-

³³ Миллер Вс. К былине о князе Глебе Володьевиче // ЖМНП. 1903. Июнь. Ч. 347. С. 304—321.

³⁴ В работе о южнорусских былинах, в главе «Богатыри-Сурожцы», А. Н. Веселовский показал, что русские былины могут иметь отголоски византийского или новогреческого эпоса. «Как зашли они на Русь? Пути могли быть разные, точно не уследимые. Песни нередко заносятся случайно, и эту возможность необходимо иметь в виду в тех случаях, когда пути более прочного и постоянного влияния не указаны какими-нибудь историческими или географическими условиями, например соседством. Такие условия представляла именно Южная Россия: я имею главным образом в виду греческие колонии Крымского полуострова и обусловленные ими культурные, религиозные, а затем, быть может, и народно-поэтические связи» (Веселовский А. Н. Южнорусские былины: Богатыри-Сурожцы // Сб. ОРЯС. 1885. Т. 36. С. 69).

А. А. Шахматов поддержал мысль А. Н. Веселовского: «Корсунская легенда, ставшая известной на Руси только благодаря литературной обработке, продолжала жить в устах народа в Корсуне и соседних с ним греческих городах. Переходя из уст в уста, она должна была постепенно утрачивать и тот слабый исторический колорит, который сообщили ей современники Владимировых или их ближайшие потомки. Мы не удивимся поэтому, встретив интересующую нас легенду в весьма измененном виде, в греческой записи XIV или XV в., сделанной в Суроже, на том же Крымском полуострове, на котором был древний Херсонес» (Шахматов. С. 376). Шахматов приводит несколько соображений в пользу возможного возведения Сурожской легенды к Корсунской: вторжение русских в 987—988 гг. в пределы греческих городов, в том числе и в Сурож, создавало почву для распространения Корсунской легенды о крещении и женитьбе Владимира в пределах соседних с Корсуном греческих городов; некоторые мотивы Корсунской легенды сохранились в Сурожской (например, мотив о чудесном исцелении русского князя после крещения, исцеление царицы Анны и др.).

ва о добывании невесты, то мотив этот безусловно обрядового происхождения и в эпосе имеет вторичное отражение.

Оставим в стороне агиографические мотивы о чудесном исцелении князя Владимира и сосредоточим внимание на мотиве собственно сватовства и женитьбы Владимира, — мотиве, оставившем свой значительный след в эпохах более отдаленных.

Корсунская легенда достаточно далеко отстоит от летописного сказания о Рогнеде-Гориславе, и тем не менее оба сказания в значительной степени плод традиционных эпических воззрений, общих мест, устоявшихся эпических формул. Высказанное Н. И. Костомаровым предположение о влиянии народно-поэтического образа молодца, завладевшего городом («наводящего страх на врагов и заставляющего добывать себе дары, из которых, один вслед за другим отвергая, он выбирает самое дорогое, обыкновенно красавицу»³⁵), на склад летописного сказания о походе Владимира под Корсунь, о захвате города и сватовстве никем из последующих исследователей не было оспорено.

А. А. Шахматов уточнил это положение Н. И. Костомарова, показав, что из двух близких легенд о сватовстве и женитьбе князя Владимира именно Корсунский поход³⁶ и сватанье царевны Анны дали более сильный и решительный толчок к перенесению на князя Владимира «роли легендарного жениха, силою добывающего невесту, чем поход еще малоизвестного новгородского князя на Полоцк и сватанье им прекрасной Рогнеды» (Шахматов. С. 378). Перенесение на Рогнеду представлений, связанных со сватовством к греческой царевне, было, конечно, неизбежно, так как «печальная судьба Рогнеды-Гориславы приковала к себе внимание современников и потомков» (там же).

Тесная связь историй двух браков князя Владимира — с Рогнедой и Анной — несомненна, хотя мы не вправе выводить одну легенду из другой. Их прочно связывают помимо исторических данных фольклорные свадебные мотивы, и прежде всего — мотив завоевания города как женитьбы, которые нашли свое отражение в обеих легендах. Однако однозначно говорить о былинах, сложных непосредственно по следам этих событий, у нас нет никаких оснований.³⁷

Итак, объединяющим в обоих рассказах является мотив женитьбы, поддержанный народной поэзией и ею же в свою очередь трансформированный. Суть данного мотива менялась, детали искажались, а иногда, как мы увидим далее, просто переворачивались.

Можно назвать несколько былинных сюжетов, где вторичные отражения Корсунской легенды и более раннего сказания о Рогнеде прослеживаются с учетом общих эпических мест, характерных для народного эпоса в целом. Эти отражения могут быть, с различной степенью приложимости, рассмотрены в былинах о Дунае, Иване Годиновиче, Хотене, Соловье Будимировиче и ряде других сюжетов.³⁸

³⁵ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. С. 157. «Из самой летописи положительно видно, что о крещении Владимира ходили различные сказания в народе, видно, что в конце XI-го и начале XII-го века Владимир был уже эпическим лицом народной поэзии. Книжники познакомили нас кое с чем из того, что ходило в народных рассказах и песнях о его временах, но о крещении подставили нам свои измышления, однако прилепили к ним и народное предание: это предание, обличающее себя сразу произведением живой, народной, а не келейной фантазии, и есть поход на Корсунь, завоевание города и женитьба. Владимир, любимый народною поэзиею, естественно представился тем молодцем, которого идеальный образ давно уже создан был в воображении народа и применялся легко то к тому, то к другому герою старины» (Там же. С. 158, 159).

³⁶ Рассказ о взятии Корсуни Н. И. Костомаров назвал «чисто песенным вымыслом». «Может быть вопрос только о месте крещения Владимира, но никак не о войне его за крещение. Слова летописные „несведущие право глаголют яко крестился есть в Киевѣ, инии же рѣша Василеве, друзии же инако скажут“, ясно дают знать, что через столетие после крещения на Руси уже не сохранилось единообразной памяти о месте крещения Владимира, хотя и существовало несколько различных об этом сказаний» (Там же. С. 159).

³⁷ «О сватовстве полоцкой княжны Рогнеды складывается былина, сходная с былинной о сватовстве греческой царевны», — писал А. А. Шахматов (с. 378).

³⁸ Из двух точек зрения, согласно одной из которых героическое сватовство перешло в классический героический эпос из сюжетного фонда более древней эпической формы — волшебной или мифологической сказки — и соответственно так и должно рассматриваться (Протт В. Я. Русский героин-

Историками и медиевистами признано как исторически достоверный факт лишь следующее: язычник Владимир завоевал Полоцк и Корсунь (временная связь этих завоеваний с актом женитьбы разная), женился сначала на полоцкой княжне, а затем на греческой царевне Анне. Последний брак связан с крещением Владимира.

Летопись, жития и «Слово» расцвели эти факты многими литературными подробностями, часто противоречивыми и не согласованными между собой. Главная цель похода Владимира — крещение — была быстро забыта, вторая составляющая — женитьба — в сильно видоизмененном виде была поддержана народной эпикой, и в силу этого жизнь ее оказалась более долгой.

Наиболее ранняя запись былины о Дунае в сборнике Кирши Данилова носит название «О женитьбе князя Владимира» (Кирша Данилов. № 11. С. 103 и сл.),³⁹ подчеркивая тем самым основной мотив и главное действующее лицо сюжета — князя Владимира, и это несмотря на то, что сюжет формируется вокруг другого имени — Дуная Ивановича.

Сюжет о Дунае начинается с мотива пира у киевского князя, на котором он просит найти ему невесту:

Уж вы ой еси, князя и бѣйра,
И все сильнее-храбрые богатыри,
Вы все у меня в городе поженены,
И красные девицы замуж все повьданы, —
Только я, млад ясѣн сокол, холѣст хожу!
Не знаите ли кто мне да молодой жены,
Молодой жены, да полюбовницы!

(Мезень 4. № 124. С. 195)

Невесту указывает кто-нибудь из приближенных князя, чаще всего Дунай. Но если в ранних древнерусских памятниках князь Владимир, как правило, сам сватает невесту,⁴⁰ то в летописном сказании о Рогнеде довлеют представления свадебного обряда, где роль жениха незначительна и пассивна, а потому сватовство здесь осуществляется исключительно через послов. Послам отдается приказ: «Не отдадут добром — берите лихом», который они и намерены исполнить (Мезень 4. № 26, 114 и мн. др.).

В сказании о Рогнеде-Гориславе, записанном под 1128 г., послом, ведущим переговоры, советником князя Владимира выступает его дядя — Добрыня.⁴¹ В былинах о Дунае Добрыня сам выполняет посольскую миссию лишь в единичных случаях,⁴² чаще всего он сопровождает (один или с другими богатырями) основного свата — Дуная,⁴³ но при этом роль его по-прежнему весьма значительна, так как именно он побеждает врагов и отвозит невесту к князю Владимиру.

ческий эпос. Л., 1958), мне ближе другая, согласно которой генетически восходящее к волшебной-героической сказке героическое сватовство в эпосе имеет *вторичную* природу, связанную с «последовательными трансформациями и художественными переосмыслениями архаического материала» (Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 130).

Оригинальна и заслуживает внимания позиция М. Н. Виролайнен, по которой «обряд и необрядовый фольклор, устное и письменное повествование — весь этот круг корреспондирующих друг с другом источников, связанных с рассматриваемыми сюжетами, лишь в отдельных своих фрагментах обладает общностью, которая может быть объяснена генетической связью, ориентацией на парадигмально воплощенный в обрядовом действии, устном или письменном слове образец. Единство смыслов, предопределяющих общность сюжетки, восходит к сфере канона» (Виролайнен М. Н. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб., 2007. С. 115).

³⁹ То же название сохранилось в былинах о Дунае, записанных от Ф. А. Конашкова (Соколов-Чичеров. № 79).

⁴⁰ Иногда сватами выступают Олег или Жильберн. В былинах Владимир самостоятельно сватает невесту крайне редко: см., например, Шахматов 2005. № 9.

⁴¹ Совет князя Владимира с Добрыней. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 48).

⁴² Мезень 4. № 135.

⁴³ Кирша Данилов. С. 105; Парилова-Соймонов. № 7, 44; Мезень 4. № 114, 117—119, 124, 125, 129, 131. Послом выступает Васька, горький пьяница. Ощутимо влияние русских народных сказок о Вави-

А ище тут-де Добрынюшка Микитиць млад
 А он прибил-прирубил всю силу неверную,
 А пропустил он, пролил да нонь горяцю кровь.
 А снарядилась Опраксея по-дорожному,
 А выводили они ей на красно крыльцѣ,
 А-й да садили они ей да на добрых коней —
 А повезли где ко городу ко Киеву,
 А к тому же князю ко Владимиру.

(Мезень 4. № 116. С. 149)

В летописном рассказе под 980 г. Добрыня не упоминается вовсе, что не соответствует историческим данным. Именно благодаря своему дяде и воспитателю Добрыне князь Владимир стал новгородским князем. При жизни Добрыни Владимира, по Соловьеву, вряд ли мог действовать самостоятельно. «Говоря о действиях Владимира, историк должен предполагать Добрыню».⁴⁴

Можно ли безоговорочно возводить исторического Добрыню к эпическому, как это делали представители исторической школы? По-видимому, это было бы явной натяжкой. Случайность совпадения столь распространенного в Древней Руси имени, как Добрыня, не может не учитываться, как не может и не быть замечена в близких эпических и исторических сюжетах уж слишком активная и весомая роль столь незначительного героя, как помощник свата.

В отличие от ранних летописных данных в той их части, где они соответствуют исторической действительности и где Русь еще страна языческая, в дошедшем до нас народном эпосе Русь *всегда* страна православная, а потому мотив крещения здесь становится неуместным и попросту отпадает.

Дуная выпускают из погреба со словами:
 Выходи-тко, Дунаюшко, на Святую Русь,
 Ишо к нашему князю да ко Владимирю:
 И зовёт он тебя на почёсён пир!

(Мезень 4. № 126. С. 213)

В «Беломорских былинах» А. В. Маркова в сюжете о Глебе Володьевиче Гаврилы Крюков поет о том, что корабли Глеба Володьевича направляются за невестой из Новгорода через «синя морюшко Корсунское» в греческий город Корсунь.⁴⁵

А как падала погодушка да со синя моря,
 А со синя морюшка с Корсунского
 А со дождями-ти с туманами.
 Заносила тут неволя три чернёных три-то кáрабля
 Что под тот под славён городок под Кóрсунь жа
 А во ту-то всё во гавань всё в Корсунскую.

(Беломорские былины. № 80)

В «географии нашего эпоса» упоминание города Корсунь и моря Корсунского — явление исключительное, это скорее всего «архаическая черта былинной традиции, случайно уцелевшая в беломорской былине. Если *Корсунское море* — эпическое, то оно могло стать таковым, по мнению Вс. Миллера, только потому, что «упоминалось в каком-нибудь старинном эпическом сюжете, не дошедшем до нас, как несомненно некоторые другие из более раннего периода народного эпоса».⁴⁶ Хотелось бы думать, что греческий город Корсунь уже одним своим названием означает город с православным населением. Однако в былинном Корсуне живет

лоне (Ончуков. № 127, 181. Сюжет СУС 485=АА* 485А).

⁴⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 1. С. 155.

⁴⁵ Вс. Миллер сближает текст этой былины с песней гребенских казаков на Тереке, записанной в 1899 г. в станции Новогладковской от Чокмосовой. Песня исполняется как свадебная (сватовство и брак, увоз девицы героем как невесты) (Миллер Вс. К былине о князе Глебе Володьевиче. С. 317).

⁴⁶ Там же. С. 317. Вс. Миллер предполагал, что гипотетически былина о Глебе Володьевиче в исполнении Гаврилы Крюкова, может быть, сохранила «отголоски своеобразно переработанного предания о походе Владимира под Корсунь и его женитьбе на греческой царевне» (Там же. С. 321).

еретичка и безбожница Маринка дочь Колдаёвна, и эта трансформация для русского эпоса далеко не случайна.

Помимо Корсуня встречаются в былинах данного цикла и единичные упоминания земли Греческой, в которой Василий, горький пьяница,⁴⁷ предлагает князю Владимиру посватать невесту Опраксею Васильевну (Мезень 4. № 133, 136, 137). Имя невесты, живущей в царстве Греческом, заставляет думать, что речь идет о православной стране, но отрывочная запись этой былины, сделанная в 1928 г. от Ивана Ивановича Познякова, не дает оснований в полной мере это утверждать.

Косвенными, но более показательными отголосками подобных отражений служат немногочисленные случаи в былинах, где невесту для князя Владимира послы забирают, когда она направляется в церковь (Мезень 4. № 136. С. 251) или когда сваты приходят к королю Волхонскому, а он в это время Богу молится (Мезень 4. № 124. С. 195). В былине «Иван Гоудинович» Ванюшка Маленький борется с неверным королем, которому была просватана его невеста. Он просит Настасью помочь ему одолеть соперника, так как «за королем жить — потеряешь всю веру крещоную» (Мезень 4. № 159. С. 344. Строка 200). Но подобные случаи, где невесту ищут в христианской стране, единичны и не характерны.

В целом же в дошедших до нас былинах эпический князь Владимир сватает невесту в стране «неверной», языческой: в Золотой Орде (Кирша Данилов. № 11. С. 105 и сл.; Мезень 4. № 122), земле Лиховецкой (Шахматов. № 8; Мезень 4. № 114—119, 125, 126, 132, 133 и др.), земле Турецкой (Печора 1. № 22. С. 213), в Литве (Шахматов 2005. № 9; Парилова-Соймонов. № 7). Этот постоянный и устойчивый мотив может быть усилен противопоставлением. Например, в былине «Дунай Иванович — сват» герой говорит:

Я не столько живал на Святой Руси,
А я больше живал ведь в проклятой Литвы.
(Мезень 4. № 127. С. 216)

Чужеземный король, как правило, не отдает сватам дочь, он разгневан и полон угроз.

Говорил тут Дунаюшко сын Иванович:
«Уж ты гой еси, король ляховиньские!
Я не жить-де пришел и не служить тебе;
Я пришел-де, король, к тебе посватацъсе
Я на той Опраксеи-королевисьни.
Я за нашего князя за Владимира».
А король-от скричел, аки зверь зрвел:
«Не отдам я за плута, за мошенника!
Не отдам я за вора, за разбойника
Я за вашего князя за Владимира!»

(Мезень 4. № 117. С. 154—155. См. также: № 116. С. 147;
№ 24. С. 198 и др.)

Дунай Иванович:

«Уж ты гой еси ноне, князь веры литовския!
Я приехал к вам не служить верою и правдою —
Уж приехал я к вам нонече посвататье,
Уж ту же лебёдушку свет Апраксею!» —
«Уж ты гой еси, Дунай, Дунай сын Иванович!
Как за эти речи я за неумильния,
А за эти поступочки нехорошия
Посажу я вас во погребя глубокия,
Заморю я вас смёртоцкой голодною!»

(Мезень 4. № 131. С. 233. См. также: Парилова-Соймонов.
№ 7. С. 123)

⁴⁷ Явно сказочное привнесение: Васья-пьяница, «голь кабацкая» — посол царя Ивана Васильевича в Вавилон. Сюжет — СУС 485=АА*485А.

Зловеще звучит угроза царя в упомянутой выше былине «Женитьба князя Владимира», записанной от Ф. Конашкова на Пудогге: «Отрублю я тебе буйну голову» (см. также: Архив КФАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 12. Ед. хр. 89 — запись былины от А. М. Пашковой).

Иногда отец невесты более дипломатичен, чем и напоминает летописного Рогволода, он пытается смягчить отказ разными «убедительными» мотивировками. В частности, король леховинский не отдает дочь за Владимира потому, что:

Ёго ма́ла земля ныне и бе́дно же,
Не отдам за короля за стольне-киевского!
(Мезень 4. № 125. С. 208)

Мотивом отказа часто служит объяснение, что невеста уже просватана и послы князя Владимира опоздали. В былинах невеста просватана «за море холодноё, за королевича неверного», «за арапа заморского» (Мезень 4. № 160. С. 348), за Издолище (Мезень 4. № 161. С. 353; № 162. С. 359; № 158. С. 334; № 159. С. 343) и др. Не проводя прямой параллели, вспомним, что Рогволод отказывает князю Владимиру тоже под предлогом того, что Рогнеда уже обещана его брату Ярополку. Оскорбительный отказ («не хочю розути робичича, но за Ярополка хочю»), как мы помним, привел к захвату Полоцка, убийству Рогволода и его сыновей и принудительному браку Владимира и Рогнеды.

Формой отказа в эпосе иногда служит ссылка на обычай, по которому нельзя отдать «меньшей дочери через бо́льшую» (Архив КФАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 1. Ед. хр. 44. Строка 72). В упомянутой выше былине, записанной от Ф. Конашкова, после отказа Добрыне-свату его товарищ Дунай начал крушить все на своем пути. Царь, испугавшись за свою жизнь, молит оставить его в живых, обещая: «дочерей-то моих да хоть обых возьми».

Иноземный король безоговорочно отдает сватам дочь только в тех случаях, когда понимает, что силы неравны:

Да заскакивал Добрынюшка на добра́ коня́,
Уж как стал он по силушке поездивать,
Уж как стал он силушку помахивать:
Как куда он махнёт — тут и улица,
Как куда повернётся — так с переулками!
Взмолился князь литовский Дунаю:
«Как уйми-ко ты своего товарища:
Уж как бу́дет вам невеста заручёная!»

(Мезень 4. № 131. С. 234)

Уклончивый ответ отца невесты сватам может строиться по законам сказочной поэтики и свадебной обрядности, в таких случаях он сопровождается предложением разгадать «хитроумные» загадки⁴⁸ или побиться о «великий заклад» («из туга лука стрелять (...) каленой стрелой» по меточке и расколоть ее надвое. Проигрыш леховинского царя завершается его казнью («А отрубил его голову нонь надвоё») — Мезень 4. № 125. С. 209.

Каковы бы ни были формы отказа и хитрости его мотивировок, в русском эпосе, как правило, иноземный король *сам* решает судьбу дочери, и это отличает его от летописного полоцкого князя, который заранее предпочел Ярополка Владимиру, но боится последнего, а потому, не желая вызвать гнев Владимира, окончательный ответ сватам оставляет за дочерью.

Что касается невесты в эпической поэзии, то она в свою очередь тоже отказывает сватам Владимира:

⁴⁸ Несомненна связь между разгадыванием загадок и сватовством в былине в записи А. В. Маркова (Беломорские былины. № 50). То же в сказках: Афанасьев. Т. I. № 76. С. 159; № 132, 152 и др.; Т. II. С. 109, 170 и мн. др.

Уж ты еси, Задунай да сын Ивановиць!
Мне предложение твое да не пондравилось,
Мошь поворот-от дать, да и вон итти!

(Мезень 4. № 124. С. 198. См. также: № 118. С. 163 и др.)

Пытаясь избежать большого «кроволития», Опраксия-королевична крайне неохотно соглашается стать женой киевского князя, но при этом она полна упреков своим родителям:

И тут доць (Опраксея)-королевишна
Де-ко она расплакалась
И отцю-матери разжалилась:
«Уж как в добрых-то людех деется:
Отдают дочерей своих в замужество пиром да сваёбным —
А вы отдавайте меня кроволитием да великием!»

(Мезень 4. № 124. С. 199. См. также: № 116, 158 и др.)

Ответ невесты для сватов, впрочем, не имеет какого-либо важного значения, так как в случае отказа невесту просто забирают силой, как и приказал им князь Владимир (в летописном рассказе так берут город):

Налетели богатыри да святорусские,
Они челом не бьют, а силой берут.

(Парилова-Соймонов. № 7. С. 124)

Однако в былинах в отличие от летописного повествования невеста иногда добровольно и охотно соглашается выйти за Владимира, мотивируя свое желание, выраженное в типической формуле, всегда одинаково:

Уж я три года Богу молиласе:
Как попасть было за князя за Владимира!

(Мезень 4. № 131. С. 234. См. также: Архив КФАН. Ф. 1.
Оп. 1. Колл. 12. Ед. хр. 89 (запись от А. М. Пашковой); Со-
колов-Чичеров. № 79. Строки 185, 186)

Какому богу молится чужеземная невеста, не уточняется. Иногда понятия «верный» и «неверный» стираются: у невесты русское имя, она молится Богу, но в то же время она дочь неправославного короля, и ее желание выйти замуж за князя Владимира понимается как желание принять христианскую веру. Алогизм, подобный данному, — хорошо известное явление в фольклоре и древнерусской литературе.⁴⁹ Таким образом, в былинах о сватовстве вновь возникает тема крещения, но уже в зеркальном ее отражении, с полной сменой действующих лиц: летописный

⁴⁹ Агиографический план летописного рассказа тоже обладает своими особенностями художественного изображения. «И святой и злодей в агиографическом плане повествования о них — люди особого художественного измерения; это прежде всего люди — не такие, как все; люди, для которых нормы поведения, обязательные для рядового человека, отнюдь не обязательны; люди, обращающие всеобщее внимание на себя „принципиальной“ алогичностью своих речей и поступков, всего своего поведения; люди, для которых те или иные моральные категории — добро и зло — страсть, до такой степени всепоглощающая, что, одержимые ею, они нередко у агиографа из людей с плотью и кровью перерастают в абстрактных носителей этих категорий, в „живую“ персонификацию „злодейства“ или „святости“, „добра“ и „зла“» (Еремин. С. 61).

Природа алогизма в фольклоре и древнерусской литературе находит свое объяснение, как представляется, в теории Л. Леви-Брюля, который занимает особое место в западноевропейской антропологической школе. Леви-Брюль выступил против тэйлоровской идеи об одушевлении природы и доказал, что при общности человеческого сознания «первобытный» человек обладал особой формой сознания, специфическим мышлением, которое он назвал пралогическим или мистическим. На ранних стадиях развития общества человек, по Леви-Брюлю, имел совершенно *иное* представление о причинах и следствиях, пространстве и времени, что впоследствии подтвердилось данными фольклора и оказалось очень важным для его понимания (*Lévy-Bruhl L.* 1) *Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures*. Paris, 1910; 2) *La mentalité primitive*. Paris, 1922; 3) *Mythologie primitive*. Paris, 1935. Русские переводы: *Леви-Брюль Л.* 1) *Первобытное мышление*. М., 1930; 2) *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М., 1937; 3) *Первобытный менталитет*. СПб., 2002).

язычник Владимир — христианка Анна; в эпосе православный Владимир — «неверная» невеста.

В былинном сюжете о том, как Издолище сватает племянницу князя Владимира, происходит замена действующих лиц: киевский князь замещает отца невесты, у которого сватает племянницу «поганое Издолище». Мысленно мы возвращаемся к Корсунской легенде, где невесту из православной страны сватает язычник — в данном случае «поганое, проклятое Издойлище» или Грѣбина Замойлович (Печора 1. № 22. С. 220; Мезень 3. № 26. С. 197). Ситуация та же, только в эпической поэзии «неверный» приобретает причудливые, фантастические черты и своим отталкивающим видом он как бы знаменует чужую, нехристианскую веру.

Из-за Карского моря, Арапского на трех «чернёных» кораблях пришло поганое Издолище к ласковому князю Владимиру сватать его племянницу. Издолище просит сватов рассказать о нем Владимиру и кончить дело без «кроволития», так как:

«А как руки мои по трех сажон,
А как тулово мое как сильной бугор,
Голова моя да как пивной котел,
Глаза-ти у меня да как пивны чаши».

(Путилов. С. 299)

Сват Издолища ведет себя вызывающе:

Идойло Богу русскому не кланяется,
Челом не бьет Владимиру.

(Печора 1. № 22. С. 218. См. также: Путилов. С. 299)

Племянница князя Владимира Анна (по всей видимости, случайное совпадение имени) или Марфа Дмитриевна, чтобы избежать «кроволития», послушно идет на корабль за сватом, но потом сама (Печора 1. № 21. С. 217) или с помощью Добрыни и Алеши Поповича (Печора 1. № 22. С. 220; Путилов. С. 299; Мезень 3. № 26. С. 197) убивает посла Идолища и возвращается в Киев.

Одно из наиболее сильных видоизменений претерпел сюжет «Дунай Иванович-сват» (Мезень 4. № 128), где может быть отмечено максимальное удаление не только от первоисточника, но и от классической формы сюжета о Дунае. В данной былине дублируются два сватовства — Ивана Горденовича и князя Владимира. Невеста Ивана Горденовича просватана за «Издолище поганое», невесту князя Владимира насильно забирают по пути в церковь. Оба объединенных сюжета используют сказочные мотивы: Иван Горденович перед боем с Издолищем засыпает и не просыпается до тех пор, пока слеза Федосьи, Лебеди белой не будит его; посол князя Владимира — Василий, «голь кабацкая», захватив невесту, прыгает через городскую стену, но задевает струны, чем и провоцирует погоню. Раздвоенность сюжетной линии и активное межжанровое взаимодействие говорят не только о разрушении классической формы сюжета, но и об окончательной и полной оторванности его от своих истоков.

Коротко подведем итоги. В литературе конца XIX — начала XX в. были определены источники для преданий, связанных как с полоцкими событиями, так и с русско-византийскими отношениями.

Сказание о Владимире и Рогнеде известно в двух летописных версиях, причем более поздняя из них является более развернутой. В основе предания о женитьбе князя Владимира на византийской царевне Анне лежат несколько источников: прежде всего летопись, а также жития и «Слово» — источники как зависимые, так и независимые от летописи.

Установленный первоисточник (даже совершенно безоговорочный, как в данном случае) не означает, однако, завершения исследования. Более того, он может служить отправной точкой, необходимым толчком для дальнейшего изучения темы, потому что сам источник лишь частично, как в данном случае, отражает ис-

торические события. Его достоверность, подлинность освещаемых событий, как было показано, весьма сомнительна, он полон вымысла, исторических неточностей, народно-поэтических отражений и книжных привнесений. Иными словами, перед нами не историческое повествование, а опозитизированное предание. Поэтому, несмотря на то что князь Владимир, Рогнеда и Анна — личности безусловно исторические,⁵⁰ но легенды о них, запечатленные в летописи в литературном и фольклорном освещении, делают их в большей степени героями эпическими, чем историческими. Женитьба киевского князя на царевне Анне имела для Руси первостепенное значение. Сближение с Византией через брак и принятие христианства князем Владимиром, переход Руси в греческую веру — все это, казалось бы, не могло не найти своего яркого отражения в народной поэзии. Однако формы отражения этих событий (по дошедшим до нас фольклорным источникам) не вылились в законченные эпические полотна. Более того, само событие Крещения Руси в русском эпосе вовсе не нашло своего отражения. Через столетие после принятия христианства на Руси, если опираться на летописные данные, уже не помнили точного места крещения князя Владимира — был ли то Корсунь, Киев, Василев или какой-нибудь другой город. «Повесть временных лет» не дает однозначного ответа, в ней путаются эти факты, так же как и время подлинно исторического события — взятия греческого города Корсуни. Агиографические подробности и народно-поэтические мотивы, выдвинутые на первый план, затемнили и сделали не столь уж существенными в глазах древнерусского книжника эти частные исторические события.

Близость рассмотренных сказаний о сватовстве и женитьбе князя Владимира не связана с прямой их переделкой одного в другое. Оба предания в значительной степени плод традиционных эпических воззрений, устойчивых поэтических форм. Суть мотива сватовства, поддержанная обрядовой поэзией,⁵¹ менялась и, трансформируясь в эпосе, искажалась иногда до неузнаваемости. Вторичные отражения изучаемых легенд косвенно прослеживаются в ряде былинных сюжетов: о Дунае, Глебе Володьевиче, Иване Годиновиче и др. В позднем эпосе (собственно единственно нам известном) старые формы «оживали в новом освещении», в былинных сюжетах произошло замещение языческой и православной вер, была отмечена замена действующих лиц и их функций в былинах, в отличие от летописи Русь всегда уже страна православная, мотив крещения опущен, христианин ищет невесту в «неверной» стране, а в греческом Корсуне царствует язычница Маринка Колдаёвна и т. д. Алогичность поступков летописных и фольклорных героев, непоследовательность действующих лиц не может быть объяснена только движением текста (то есть забвением от редакции к редакции, от варианта к варианту отдельных его фрагментов, всевозможными пропусками, перестановками и новыми дополнениями), так как в значительной степени она вытекает из самой художественной природы летописи и фольклорного текста как источника, из допрагматического мышления летописца и шире — из особой «философии истории», свойственной раннему сознанию.

⁵⁰ Владимир Святославич, если следовать летописи, умер в 1015 (6523) г., царица Анна — в 1011 (6519) г.

⁵¹ «Добывание города как символа добывания невесты могло возникнуть и существовать независимо от того либо иного определенного исторического факта, а хотя бы вообще на почве бытовых и обрядовых переживаний брака как насильственного добывания жены; кстати же, и мотив этот известен не одним русским. Но особенная, исключительная популярность его на Руси, некоторые характерные детали вроде Царя-города все же наводит на мысль, что он получил какое-то особенное значение. Тесное взаимоотношение, взаимное влияние обрядовой песни на эпическую и обратно — факт вполне установленный, и многие характерные подробности, раздробленные, обозначенные мотивы эпических песен-преданий доживают свой век под покровом песни обрядовой, поступаясь своей целостностью и единством в пользу большего интереса, большего значения последней. Но, конечно, взаимодействие возможно лишь там, где есть точки соприкосновения, и с этой точки зрения сближение сватовства Владимира с добавлением девицы в колядках и других подобных песнях имеет свое основание» (Лобода. С. 256).

Рассматривая новообразования, прямые и косвенные трансформации старых летописных сказаний в позднем эпосе, мы невольно погружаемся в мир древних сказаний, ибо свадебные мотивы русских былин, показанные сквозь призму частных наслоений позднего времени, постепенно приводят исследователя к основным мотивам, тесно связанным с той эпохой, когда только начинал складываться русский былевой эпос (см.: Лобода. С. 285). Что касается исторических данных, то уже в X—XII вв. сказания о женитьбе князя Владимира имели распространение как в письменной, так, возможно, и в устной передаче в форме поэтических преданий.

История в эпосе, как показалось, в частности, настоящее исследование, вторична. Эпос не всегда, как мы видели, был обусловлен реальной историей. Связь между этнографическим субстратом и его отражениями в фольклоре опосредованная и достаточно сложная. Характер и степень опосредованности этих связей должны быть выяснены в каждом случае самостоятельно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив КФАН	— Архив Карельского филиала Академии наук России.
Афанасьев	— Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Под ред. М. К. Азадовского, Н. И. Андреева, Ю. М. Соколова. М., 1936. Т. 1.
Беломорские былины	— Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002.
ДРВМ	— Древняя Русь: Вопросы медиевистики.
Кирша Данилов	— Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000.
Мезень 3	— Былины Мезени. СПб.; М., 2003. Т. 3 (Свод русского фольклора; Былины в 25 т.).
Мезень 4	— Былины Мезени. СПб.; М., 2004. Т. 4 (Свод русского фольклора; Былины в 25 т.).
Ончуков	— Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2008.
Парилова-Соймонов	— Былины Пудожского края / Подгот. текстов, ст. и коммент. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.
Печора 1	— Былины Печоры. СПб.; М., 2001. Т. 1 (Свод русского фольклора; Былины в 25 т.).
Путилов	— Былины / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1957;
Соколов-Чичеров	— Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. В. Чичерова. М., 1948.
СУС	— Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский и др. Л., 1979.
Шахматов 2005	— Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2005.